

Глава 1

— Мы едем домой, чтобы пожениться, моя принцесса.

Как это пожениться?

С ним?

Я вдруг вспомнила все девичьи фантазии, которыми тешила себя, пока не узнала, кто я и чего от меня ждут, — мечты, порожденные историей любви моих родителей.

В тех детских мечтах никогда не было такого предложения, даже близко не похожего на настоящее. И тем более сделанного перед столом, заполненным чужаками, половина которых хочет моей смерти. И уж точно в тех мечтах не было самого худшего и, возможно, самого безумного, — не-предложения руки и сердца от мужчины, который держит меня в плену.

Наверное, у меня какие-то проблемы с головой. Возможно, галлюцинации от стресса, все-таки столько мучительных смертей произошло. Нужно еще разобраться с его предательством. И я только что узнала, что происхожу из Атлантии — королевства, которое я давно привыкла считать источником всех зол и трагедий на свете. Так что, вероятно, все происходящее — лишь порожденные стрессом галлюцинации, а не действительность.

Я могла только пялиться на большую руку, держащую мою, гораздо меньшую. Кожа у него чуть темнее моей, словно поцелованная солнцем. Годы смертоносных, грациозных и четких упражнений с мечом оставили мозоли на его ладонях.

Он поднес мою руку к до неприличия прекрасно очерченным полным губам. Губам, которые были такими мягкими и вместе с тем неумолимо жесткими. Губам, которые произносили чудесные слова и шептали жаркие, порочные обещания над моей голой кожей. Губам, которые боготворили многочисленные шрамы на моем лице и теле.

Губам, которые также извергали чудовищную ложь.

Теперь эти губы прижались к моей руке в манере, о которой я мечтала целую вечность, и всего несколько дней или недель назад я сочла бы это невероятно нежным. Для меня были под запретом даже такие простые вещи, как прикосновения рук и невинные поцелуи. А тем более быть желанной или желать самой. Я давно смирилась с тем, что никогда этого не испытаю.

Пока не появился он.

Я подняла взгляд от наших соединенных рук, от рта, один уголок которого уже изгибался вверх, намечая ямочку на правой щеке, от медленно разомкнувшихся губ, открывших кончики губельно острых клыков.

Его волосы прикрывали сзади шею и падали на лоб — густые пряди такого глубокого оттенка черного, что на солнце отливали синевой. Высокими угловатыми скулами, прямым носом и гордым, четко очерченным подбородком он напоминал мне большого грациозного пещерного кота, которого я видела в детстве во дворце королевы Иланы. Оба прекрасны, но в той же степени дикие и опасные хищники. Я поймала взгляд его глаз потрясающего оттенка холодного янтаря, и у меня заколотилось сердце.

Я знала, что смотрю на Хоука...

Я оборвала себя, и нутро затопило холодом. Его зовут не так. Я даже не знаю, был ли Хоук Флинн просто вымыш-

ленной персоной, или же это имя принадлежало какому-то человеку, которого, скорее всего, убили. Я боялась, что последнее — правда. Потому что Хоук якобы прибыл с блестящими рекомендациями из Карсодонии, столицы королевства Солис. Но капитан масадонской гвардии оказался сторонником атлантианцев, Последователем, так что перевод Хоука из столицы тоже мог быть ложью.

В любом случае гвардейца, поклявшегося защищать меня мечом и жизнью, никогда не существовало. Как и мужчины, который видел меня такой, какая я есть, а не той, кого собой представляю — Деву, Избранную. Хоук Флинн — всего лишь вымысел, как и те мечты маленькой девочки.

Реальность — тот, кто сейчас держит мою руку: принц Кастил Да'Нир. Его высочество. Темный.

Губы поверх наших соединенных рук изогнулись сильнее. Ямочка на правой щеке углубилась. Ямочка на левой появлялась редко, только в случае искренней улыбки.

— Поппи, — произнес он.

Все мышцы в моем теле напряглись. Не знаю, потому ли, что он назвал меня уменьшительным именем, или из-за глубоких мелодичных нот его голоса.

— Никогда не видел, чтобы ты теряла дар речи.

Поддразнивающий блеск в его глазах вырвал меня из ошарашенного молчания. Я отдернула руку, с досадой сознавая, что не смогла бы так легко освободиться, если бы он захотел удержать.

— Пожениться? — Голос вернулся ко мне, хотя бы ради одного слова.

В его глазах блеснул вызов.

— Да. Пожениться. Ты знаешь, что это означает?

Не отводя взгляда, я стиснула кулак.

— Почему ты решил, будто я не знаю, что значит пожениться?

— Ну... — лениво начал он, подняв бокал. — Ты повторила это слово так, словно оно тебя озадачило. И я знаю, что как Деву тебя... держали затворницей.

Я вспыхнула, наверняка становясь такой же красной, как и мои волосы в солнечных лучах.

— Быть Девой или затворницей не означает быть глупой, — огрызнулась я.

Ропот пронесся над столом и по всему пиршественному залу, полному Последователей и атлантианцев. Все они будут убивать и умрут за человека, на которого я смотрю так сердито.

— Нет. — Кастил отпил глоток и окинул меня взглядом. — Не означает.

— Но я озадачена.

Я ощутила под кулаком что-то острое. Быстро глянула вниз и увидела то, что не заметила раньше из-за тревоги и потрясения. Нож. С деревянной рукояткой и толстым зубчатым лезвием, чтобы резать мясо. Это не мой кинжал с рукояткой из кости вольвена. В последний раз я видела его в конюшне и сильно огорчилась, решив, что, наверное, больше не увижу. Тот кинжал был больше, чем просто оружием. Его мне подарил Виктер на шестнадцатый день рождения, и он оставался единственной связью с человеком, который был для меня не только телохранителем. Виктер занял место, которое предназначалось моему отцу, если бы тот был жив. Теперь кинжал утерян, а Виктер мертв.

Убит сторонниками Кастила.

А судя по тому, что последний попавший мне в руки кинжал я вонзила в сердце Кастила, сомневаюсь, что клинок с рукояткой из кости вольвена вернется ко мне в ближайшее время. Хотя столовый нож — тоже оружие. Он вполне сгодится.

— Что же тебя озадачило?

Он поставил бокал, и его глаза потеплели, как это бывало, когда он забавлялся или... чувствовал то, что я отказывалась признавать.

Мой дар шевелился под кожей, требуя, чтобы я с его помощью прощупала эмоции принца. Я положила руку на нож для мяса, и мне удалось закрыть свои способности прежде, чем они создали связь. Я не хотела знать, забавляется он в этот момент или... или чувствует что-то еще. Меня это не волнует.

— Как я уже сказал, — продолжал принц, длинным пальцем обводя край своего бокала, — атлантианцы могут заключить брак, только если обе половинки стоят на своей земле, принцесса.

Принцесса.

Это раздражающее и тем не менее милое прозвище только что приобрело совершенно иной смысл. Смысл, вызывающий вопрос: сколько он знал с самого начала? Он говорил, что той ночью в «Красной жемчужине» знал, кто я, но утверждал, что не подозревал о том, что я частично атлантианка, пока не укусил меня. Пока не попробовал мою кровь. Отметины на шее покалывали, и я подавляла желание их потрогать.

Сколько случайного было в том прозвище? Если это очередная ложь, то это имеет значение.

— Так что именно тебя озадачило? — спросил он. Янтарные глаза не мигали.

— То, что ты думаешь, будто я выйду за тебя замуж.

Послышался сдавленный звук, будто кто-то пытался скрыть смех. Я бросила быстрый взгляд на красивое лицо вольвена с коричневой кожей и бледно-голубыми глазами. Эти существа с одинаковой легкостью способны принимать обличье как волка, так и смертного. До недавнего времени я считала, что вольвены вымерли, их истребили во время войны Двух Королей четыреста лет назад. Но это оказалось еще одной ложью. Киеран был всего лишь од-

ним из многих очень даже живых вольвенов — несколько из них сидят за этим столом.

— Я и не думаю, что выйдешь, — ответил Кастил, наполовину опустив густые ресницы. — Я знаю.

Я с недоверием воззрилась на него.

— Наверное, я неясно выразилась, так что попробую объяснить подробнее. Не знаю, с чего ты вообще решил, что я выйду за тебя замуж. — Я чуть наклонилась к нему. — Это достаточно ясно?

— Кристально ясно.

Его глаза нагрелись до теплого медового оттенка, но ни в тоне, ни во взгляде не было ни капли гнева. Там светилось нечто совершенно иное, наводящее на мысли о теплой коже и о том, как эти грубые, мозолистые ладони касаются моей щеки, скользят по животу и бедрам, задевая гораздо более интимные места. Ямочка на его щеке стала глубже.

— Но поживем — увидим, правда?

По моей коже разлился колючий жар.

— Мы совершенно ничего не увидим.

— Я могу быть очень убедительным.

— Не настолько убедительным, — бросила я, а он проворчал что-то уклончивое, отчего меня накрыло волной чистой ярости. — Ты с ума сошел?

Откуда-то из-за стола донесся безудержный хохот. Я знала, что это не светловолосый Делано. У этого вольвена такой вид, словно он только что стал свидетелем расправы и сейчас его очередь. Наверное, мне следует бояться, потому что вольвенов не так легко напугать, особенно Делано. Он и сидящий рядом с ним атлантианец Нейлл защищали меня, когда за мной пришел Джерико со своей компанией, хотя и были в меньшинстве.

Мало кто осмелится прогневить Темного. Он атлантианец, смертоносный, быстрый и невероятно сильный. Его трудно ранить, не то что убить. И, как я недавно узнала, он способен использовать принуждение, чтобы навязыв-

вать свою волю другим. Он убил одного из самых могущественных герцогов во всем Солисе, проткнул сердце Вознесшегося тем самым прутом, которым Тирман частенько бил меня.

Но я не испытывала страха.

Я слишком рассержена, чтобы бояться.

Смеялся сидящий слева сосед Делано — здоровяк по имени Элайджа. Из-за его глаз я не думала, что он вольвен. У всех вольвенов одинаковые льдисто-голубые глаза, а у Элайджи — ореховые, скорее золотистые, чем карие. Не только я уставилась на него: он привлек еще несколько пристальных взглядов. Я воспользовалась моментом и, стянув со стола нож для мяса, спрятала в разрезе туники.

— Что? — Элайджа погладил темную бороду, поймав устремленные на него взгляды. — Она задала вопрос, который крутится в головах большинства из нас.

Делано моргнул и медленно повернул голову к Элайдже. Кастил ничего не сказал. Улыбка на плотно сжатых губах заменяла тысячи слов, а тяжелый пронзительный взгляд переместился с меня дальше вдоль стола.

Пальцы Элайджи замерли на бороде. Он прочистил горло.

— Я думал, что план...

— То, что ты думал, не имеет никакого значения, — оборвал его принц.

— Ты о плане использовать меня как приманку, чтобы освободить своего брата? — настойчиво спросила я. — Или за последние пару часов все волшебным образом переменялось?

На челюсти Кастила дернулась мышца. Он опять сосредоточил внимание на мне.

— Тебе нужно поесть.

Я чуть не потеряла самообладание и не швырнула в него спрятанный нож.

— Я не голодна.

Он посмотрел на мою тарелку.

— Ты почти не ела.

— Понимаете, ваше высочество, у меня что-то нет аппетита.

Он крепче сжал челюсти и поймал мой взгляд. Золотистый оттенок его радужки стал холоднее, по моей коже побежали мурашки. Воздух вокруг нас словно сгустился, и в зале повисло напряжение. В моем тоне не было ни капли уважения. Неужели я зашла слишком далеко? Если так, то мне все равно.

Я стиснула пальцы на рукоятке ножа. Я больше не Дева, связанная правилами, которые запрещали мне выбирать собственную судьбу. Мной больше не станут управлять. Я могу и буду заходить еще дальше.

— Она задала очень важный вопрос, — сказал кто-то с дальнего конца стола.

Это был мужчина с короткими темными волосами. Он выглядел старше Киерана, которому, как и Кастилу, на вид чуть больше двадцати. Но Кастилу больше двух сотен лет. Похоже, этот мужчина может быть еще старше.

— Значит, план использовать ее, чтобы освободить принца Малика, изменился? — спросил он.

Кастил ничего не сказал, продолжая смотреть на меня, но полностью застывшие черты его лица служили лучшим предостережением, чем любые слова.

— Я не пытаюсь поставить под сомнение твои решения, — продолжал мужчина. — Я пытаюсь их понять.

— Что ты хочешь понять, Лэнделл?

Кастил откинулся на спинку кресла, небрежно положив руки на подлокотники. От его абсолютно непринужденной позы по моему телу пробежал озноб.

Воцарилась напряженная тишина, затем Лэнделл произнес:

— Мы все приехали за тобой из Атлантии. Мы остались в этом архаичном, помойном королевстве, изображая преданность самозваным королю с королевой. Пото-

му что, как и ты, мы ничего так не хотели, как освободить твоего брата. Он — законный наследник.

Кастил кивком велел Лэнделлу продолжать.

— Мы теряли людей — хороших людей, пытаюсь проникнуть в храмы Карсодонии...

Я напряглась, представив огромные непроглядно-черные сооружения.

Если утверждения Кастила верны, то назначения храмов — еще одна ложь. Третьих сыновей и дочерей отдают во время Ритуала не затем, чтобы служить богам. Их отдают Вознесшимся — вампирам — как обычный скот. Меня всю жизнь пичкали множеством ужасной лжи, но эта, наверное, самая худшая. Как бы ни было отвратительно то, что говорил Кастил, я боялась, что это правда. Да и как я могу это отрицать? Вознесшиеся уверяли нас, что отравленный поцелуй атлантианца становится проклятием для невинных смертных и превращает их в разлагающуюся оболочку прежней личности — в злобных, кровожадных монстров, известных как Жаждущие. Но это неправда. Атлантианский поцелуй не ядовит. Как и укусы. Я служу доказательством и того, и другого. Мы с Кастилом целовались много раз. Он дал мне свою кровь, когда я была смертельно ранена. И он укусил меня.

Я не обернулась в монстра.

Как не обернулась и много лет назад после нападения Жаждущих.

Не то чтобы у меня не было подозрений насчет Вознесшихся еще до того, как Кастил вошел в мою жизнь. Он только подтвердил их. Но были ли все его рассказы правдой? У меня нет возможности узнать. Я так крепко сжала нож, что заныли пальцы.

— Мы не нашли никаких указаний на то, где держат нашего принца, и очень многие никогда не вернутся домой к семьям, — продолжал Лэнделл. С каждым словом его голос креп и наливался гневом, который я чувствовала и без дара. — Но теперь у нас кое-что есть. Наконец мы

получили то, что можно использовать, чтобы узнать местонахождение твоего брата. Возможно, даже освободить его, избавить от участи создавать новых вампиров и жить в подобии ада, с которым ты сам слишком хорошо знаком. И вместо этого мы едем домой?

Я немного знаю об этом аде.

Я видела множество шрамов на теле Кастила и клеймо в виде королевского герба на верхней части бедра.

Но Кастил ничего не сказал в ответ. Все молчали. Никто не двигался: ни сидящие за столом, ни те, что стояли перед очагом у задней стены пиршественного зала.

Лэнделл еще не закончил.

— Те, что висят на стенах коридора снаружи этой самой комнаты, заслужили находиться там. Не только потому, что ослушались твоих приказов, но и потому, что если бы им удалось убить Деву, мы бы потеряли наш единственный козырь. Они из мести подвергли риску наследника. Вот почему я считаю, что они заслуживают своей участи, хотя некоторые из них были моими друзьями — друзьями многих за этим столом.

«Я убью их».

Кастил пообещал это, когда увидел нанесенные ими раны. И убил. Большинство из них. Кастил пришил к стене тех, о ком говорит Лэнделл. Все они теперь мертвы, за исключением Джерико. Зачинщик был едва жив, его ждала медленная, мучительная смерть — напоминание о том, что мне нельзя причинять вред.

— Ты можешь ее использовать, — рассуждал Лэнделл. — Она любимица королевы, Избранная. Если они когда-либо отпустят твоего брата, то ради нее. А вместо этого мы едем домой, чтобы ты женился? — Он дернул подбородком в мою сторону. — На ней?

Меня уязвило отвращение, прозвучавшее в последнем слове, но мне доводилось слышать от герцога Тирмана куда более хлесткие замечания, поэтому я даже бровью не повела.

Киеран резко повернул голову к Лэнделлу.

— Если у тебя есть хоть капля рассудка, прекрати. Сейчас же.

— Пусть продолжает, — вмешался Кастил. — Он имеет полное право высказать свою точку зрения. Как и Элайджа. Но, похоже, Лэнделл может сказать больше, чем Элайджа, и мне хотелось бы послушать.

Поджав губы, Элайджа негромко присвистнул и с вытаращенными глазами откинулся назад, положив руку на спинку стула Делано.

— Эй, я иногда говорю или смеюсь невпопад. Но что бы ты ни планировал и что бы ни хотел, я с тобой, Кастил.

— Ты серьезно? — Лэнделл резко повернулся к Элайдже и вскочил на ноги. — Ты согласен отступить от принца Малика? Согласен с тем, что Кастил привезет ее домой, в наши земли, и женится на ней, сделает принцессой? Окажет честь, предназначенную той, кто сплотит все наши народы, а не разъединит их?

Кастил слегка пошевелился, его руки соскользнули с подлокотников.

— Как я только что сказал, я с Кастилом. — Элайджа поднял взгляд на Лэнделла. — Всегда, невзирая на его выбор. И если он выбирает ее, мы тоже должны это сделать.

Это... это совершенно нелепо, все эти аргументы. Но неважно. Мне плевать на сплочение народов Атлантии, потому что мы с Кастилом никогда не поженимся. Правда, у меня нет возможности указать на это.

— Я ее не выбираю. И никогда не выберу, — поклялся Лэнделл.

Кожа на его лице истончилась и потемнела. Он пристально оглядывал тех, кто сидел вокруг него. Вольвен. Он вольвен, поняла я. Я поудобнее переместила нож в руке и напряглась.

— Вы все знаете — вольвены ее не примут. Неважно, есть в ней атлантианская кровь или нет. И народ Атлантии ей не обрадуется. Она чужачка, воспитанная теми, кто вы-

нудил нас отступить в земли, которых быстро стало слишком мало, и они стали непригодными. — Он устался на Кастила. — Даже она сама не приняла тебя, а мы должны верить, что ты свяжешься с ней узами?

Узами? Я глянула на Киерана, а потом на Кастила. Некоторые вольвены связывались узами с атлантианцами определенного класса, и нетрудно было догадаться, что Кастил как принц относится к их числу. Киеран казался ближе к Кастилу, чем кто-либо, с кем он общался при мне. Но ни о каких других узах я не знаю.

Опять же, это все не имеет никакого значения, поскольку мы не поженимся.

— И мы должны верить, что она достойна стать нашей принцессой, когда она в открытую отвергает тебя перед твоими людьми, и при том от нее смердит Вознесшимися? — провозгласил Лэнделл. Я сморщила нос. Я не воняю... не воняю Вознесшимися. Или да? — Когда она отказывается выбрать тебя?

— Я выбираю ее, — заговорил Кастил, и мое глупое-глупое сердце замерло, хотя я-то Кастила не выбрала. — И это все, что имеет значение.

Вольвен оскалился, и я расширила глаза при виде удлиняющихся клыков.

— Ты сделаешь это — и наше королевство падет, — прорычал он. — Я не выбирал эту суку с лицом в шрамах.

Я вздрогнула.

Я правда вздрогнула. Щеки горели, словно я получила пощечину. Не успев понять, что делаю, я подняла руку и потрогала неровный шрам на щеке.

Лэнделл опустил руку на бедро.

— Я предпочту увидеть ее мертвой, чем спокойно стоять и позволить этому свершиться.

Прошло несколько мгновений после того, как Лэнделл произнес эти слова, и волосы у меня на висках взметнулись от пронесшегося вихря.

Кресло Кастила опустело.